

КОСМИЧЕСКИЙ

Новый длительный совместный космический полет кораблей-спутников «Восток-5» и «Восток-6» является славной победой труда, мысли и разума советского человека — первооткрывателя космической эры, колоссальным научно-техническим успехом. Этот дерзновенный полет советских людей в космос, как и все предыдущие полеты, представляет собой живое воплощение титанической силы, таланта и гения советского народа, яркую демонстрацию преимуществ советского социалистического общественного строя. Нынешняя величественная победа, одержанная в борьбе за освоение космоса, является образцом беспримерного мужества и отваги советских людей, воспитанных нашей родной Коммунистической партией, окрыленных всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма.

...Славные сын и дочь нашей Родины товарищи Быковский и Терешкова проявили подлинный героизм и безупречное мастерство космонавтов, смело и бесстрашно вели замечательные космические корабли по космическим трассам. Коммунистическая партия и советский народ гордятся вами, дорогие товарищи Быковский и Терешкова.

Из Обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Правительства Советского Союза к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству.

ГИМН КОММУНИЗМУ

ЖДИТЕ НАС, ЗВЕЗДЫ!

М. РЕБРОВ

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

«Труд— стержень, на котором держится все в человеке. Это ствол, от которого бегут ветви идеологии, воззрений, характера. Вот и суди, что от тебя требуется», — эти слова отца Валерий вспоминал всегда, когда жизнь ставила перед ним трудные задачи.

В первый самостоятельный полет Валерий отправился в канун своего дня рождения. Особенно он не волновался. Регулярные тренировки выработали чувство уверенности в себе и машине. Да и задание было несложным: взлет, набор высоты, круг над аэродромом и посадка. Основное — умение приземлиться на три точки, точно у посадочного знака.

Журнальный вариант. Полностью повесть выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Я приношу самую глубокую благодарность родной Коммунистической партии, Советскому правительству за то, что высокая честь совершить многодневный космический полет была оказана мне — члену Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
В. Ф. Быковский

Когда самолет набрал нужную высоту, Валерий начал разворот. Все шло нормально. «ЯК» послушно описал в воздухе большую дугу и вышел на посадочный курс. Валерий чуть «отдал» ручку от себя и тут же не удержался: стал искать глазами аэродром.

Впереди показался неглубокий овраг, который огибал край аэродрома.

Валерий потянул ручку на себя, совершенно забыв, что мотор работает на малых оборотах. Потеряв скорость, самолет

Коммунистическая партия, Родина, великий советский народ дали нам силу и крылья для осуществления столь сложного полета.

Летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
В. В. Терешкова

стал проседать и плюхнулся на травяное поле, не дотянув до посадочного «Т».

Чувство недавней гордости сменилось унынием:

«Растяпа! Разрешения на второй полет не дадут».

Но дело обернулось иначе. Когда «ЯК» рулил по аэродрому, Валерий увидел бегущего навстречу инструктора. Лицо его выражало скорее одобрение, чем гнев. Вскочив на крыло самолета, он бодро крикнул:

— Ничего, Валера, ничего! Не забывай газ! Давай еще разок!

И снова застрекотал, набирая силу, мотор. Машина плавно оторвалась от земли. С особой тщательностью выполнив все положенное, Валерий опять повел самолет на посадку.

На этот раз удачно. Колеса шасси коснулись травы у буквы «Т».

Валерий торжествовал. Товарищи и инструктор поздравляли его с победой. Да, это была победа, и он добился ее трудом, тренировкой, желанием стать летчиком.

Осенью, когда дожди и холод пришли в Подмоскowie, Валерий продолжал летать. Предстоял экзамен на получение путевки в небо. Учлеты по-прежнему жили в палатках, чуть мерзли по ночам.

Дни полегонку вползли в октябрь. Пожелтели и начали опадать листья. По утрам становилось все холоднее. Рассвет наступал медленно, тягуче, точно цедился сквозь плотную тьму. Все чаще день начинался моросющим дождем. Лишь иногда луч солнца прорывался сквозь завесу туч, играя бликами на мокрых телах самолетов. Но такие моменты бывали все реже и реже. Осень!

Курсанты аэроклуба стали поговаривать о будущем. Кто куда пойдет учиться дальше? Одни мечтали о бомбардировщиках, другие стремились попасть на скоростные истребители, третьи — сесте за штурвал самолетов ГВФ.

В один из осенних дней учлетам выдали документы об окончании аэроклуба. Получил их и Валерий. В его характеристике говорилось:

«Летное дело любит, летает смело, уверенно. Летную программу усваивает быстро и легко. Летных нарушений не имеет. Матчасть эксплуатирует грамотно. Теоретическая успеваемость отличная. Имеет большое желание к дальнейшему обучению в военной школе летчиков. За отличный вылет имеет благодарность».

После окончания аэроклуба Валерий решил пойти в военное училище летчиков-истребителей. Путь этот был избран после долгих раздумий, но окончательно, навсегда.

Сначала он попал в «первоначалку» — так называли школу первоначального обучения. Летали на «ЯК-18» и «ЯК-11». Потом училище. Учеба здесь была покрепче, чем в аэроклубе. В знойные летние дни над аэродромом рыжим туманом висела пыль: одни самолеты поднимались, другие садилась, чтобы после короткой передышки и заправки горючим снова взмыть в небо.

На стоянку то и дело заруливали «УТИ» с открытыми фонарями. Курсанты, выключив двигатель, быстро выбиались из кабины и внимательно слушали замечания инструктора. И снова в полет.

Валерий отличался горячим характером. Небольшого роста, юркий, проворный, он заметно выделялся среди других молодых летчиков вдумчивостью и трудолюбием. Во время учебы часто приходилось менять аэродромы, летать на разных машинах. Но в аттестационных листах Валерия неизменно повторялись одни и те же записи:

«Перерывы на технику пилотирования не влияют. Ориентируется в полете хорошо».

«Дальнейшее обучение на реактивном самолете целесообразно».

«В полете вынослив и инициативен».

И, наконец, итог: «Выпускные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал на «отлично».

В СТРОЮ ВЕТЕРАНОВ

После училища — часть.

На полковом построении Валерий становился на левый фланг эскадрильи. По расчету да и по росту его место было там. Что греха таить, многие из молодых, кто пришел вместе с ним в часть, глядя на бывалых классных летчиков с ленточками боевых наград на груди, считали, что опоздали родиться.

Кто в юношеские годы не мечтает о подвиге! А где же слава и подвиги у молодых летчиков послевоенного времени? Вот командир — ас! Его Валерий сразу полюбил: Герой Советского Союза, на счету много сбитых фашистских самолетов, во время войны летал ведомым у самого Александра Ивановича Покрышкина и в то же время какой простой человек!

В эскадрилье, куда попал Валерий, уже были молодые летчики. У одного из них он спросил на следующий день:

— Ну, как здесь?

— Как на столе у закройщика, — ответил тот, слегка улыбнувшись, — на «спарках» небо уютным. А когда до дела доходит, летают только «старики».

Начались занятия в классах, сдача зачетов. В который раз! В ясные дни — несколько самостоятельных полетов по кругу, потом в зону. Вот и все.

И снова — труд, труд. Повседневный, порой кажущийся таким однообразным. Но к словам отца: «Труд — стержень, на котором держится все в человеке», добавилась любимая присловица комэска: «Без «элементарщины» мастером не станешь!»

Полетные задания постепенно становились все сложнее и сложнее. На одном из построений зачитали приказ о переводе старшего лейтенанта Быковского в эскадрилью перехватчиков. Теперь ему предстояло летать на «МИГе».

ВЕДУЩИЙ АТАКУЕТ

Пронзительный звук сирены разорвал тишину раннего утра. Тревога!

Застегивая на ходу кожаную куртку, Валерий спешил на аэродром. Самолет, на котором он летал, уже расчехлен, и около

него хлопочет техник Коньков. В этом человеке Валерий с первых же дней знакомства приметил одну черту — «дотошность». Он вникал во все, всюду успевал, и его «МИГ» всегда был в образцовом состоянии.

Короткое: «Все готово, командир!» — звучало в его устах с твердой убежденностью, которая заставляет без малейших сомнений верить в успех предстоящего дела. Коньков помог Валерию приладить парашют, обежал взглядом все тумблеры на щитках кабины и пробурчал обычное: «Ну, добро».

Где-то за низкими облаками скрытно пробирался к намеченному объекту самолет «противника». Он шел на большой высоте и с большой скоростью. Но радиолокационные станции уже нащупали его.

В наушниках шлемофона Валерий услышал голос штурмана командного пункта. Ему дали взлет.

— Вас понял! — Он привычным движением включил тумблер запуска двигателя. Уверенно направил самолет на взлетно-посадочную полосу. За ним вырулил его ведомый. Через стекло фонаря кабины видно, как он пристраивается левее и чуть сзади.

Надо дорожить каждой секундой — в этом успех перехвата. Сразу же после взлета Валерий устремил машину ввысь. Самолет вошел в облака. В кабине стало сумрачно. Стрелка высотомера показывала 4 000, 5 000, 6 000 метров, а конца облачности не было. Лишь на высоте 7 000 метров пространство вокруг самолета стало светлеть. Истребитель вырвался на солнечный простор.

— Курс 230. Высота набора 9 500, — раздалось в наушниках.

Говорил штурман наведения. Там, на земле, отделенной от самолета многокилометровой толщей облаков, он с помощью локаторов «видел» и истребители-перехватчики и самолет-цель.

Валерий довернул машину на указанный курс. За ним последовал ведомый.

Приближался рубеж перехвата.

«Противник» ловко маневрировал. Об этом можно было догадаться по тому, что второй паре перехватчиков, которая шла где-то рядом, вдруг дали новый курс. Значит, машины «противника» разделились. Штурман на КП обнаружил это вовремя.

Валерий услышал:

— Ускорьте набор высоты!

Секунды. Драгоценные секунды! Валерий включил форсаж двигателя. Самолет словно толкнуло вперед. Стрелка высотомера быстрее побежала по черному циферблату.

Напряженно вглядываясь в темно-синее небо, Валерий искал цель. Наконец справа что-то мелькнуло. Или показалось? Он еще раз осмотрел сектор и сильнее сжал ручку. Теперь Валерий ясно видел реактивный бомбардировщик «врага». Тот шел с предельной скоростью.

— Вижу цель! — доложил Быковский.

Штурман наведения ответил:

— Цель ваша, атакуйте!

Используя выигрыш в высоте, хорошо владея самолетом, Валерий с ходу устремился в атаку, чтобы она была неожиданной для «противника». Но бомбардировщик еще имел возможность для маневра: в момент, когда ведущий и его ведомый пошли в атаку, «противник» выпустил все воздушные тормоза, рассчитывая, что истребители проскочат мимо.

Но Валерий быстро изменил план атаки. Чтобы не оказаться впереди бомбардировщика, он ринулся вверх и снова занял выгодное положение. Ведомый неотступно следовал за ним.

Новая атака. «Противник» уже ничего не мог предпринять. Кадры фотопулемета фиксировали условный огонь.

После вылета Быковский докладывал комэску майору И. В. Шилову о выполнении задания. И когда говорил о своем маневре, легкая улыбка тронула губы командира. Валерий не мог догадаться, что Шилов улыбается своим мыслям: «Да, молодец Быковский! Появилась уверенность, свойственная только летчикам, до тонкости познавшим «характер» своего самолета. Появился «почерк» в воздухе. Из парня выйдет настоящий ас, если он будет и дальше много работать».

«ЧИСТИЛИЩЕ»

Колеса поезда отстукивали свой обычный ритм. Далеко позади остался родной полк, товарищи и друзья, с которыми вместе летали, перехватывали воздушные цели, а свободное время отдавали спорту и книгам.

Дорога в космос началась с госпиталя. Предстояло пройти строжайшую комиссию. У летчика встреча с врачом никогда не вызывает радости. Авиационные врачи строги, неумолимы и, как ни странно, мнительны. Да, да, мнительны. Любое, даже самое малейшее подозрение толкает их на глубокие раздумья.

Бывает так: поднимется у летчика давление на какой-нибудь десяток единиц, и лицо полкового врача мрачнеет, взгляд делается серьезным, сосредоточенным. Следует многозначительное: «Да-с»...

Врач тревожится. Он начинает колебаться, хотя перед ним крепкий, розовощекий здоровяк лет двадцати пяти, со стальными мускулами, семитысячной спирометрией, чистойшей тональностью ритмичных ударов натренированного сердца.

Не любят летчики иметь дело с врачами. Хорошо пошутить с доктором в перерыве между вылетами, слушать его беседы о предполетном режиме или просто разговаривать о достижениях медицинской науки. Но когда дело доходит до врачебной комиссии, отношения несколько меняются.

Хотя настроение у собравшихся в госпитале было на первый взгляд хорошее — летчики, особенно молодые, не любят грустить и скучать, — чувство тревоги не покидало каждого. Врачи решали их судьбу, судьбу их мечты, их выбора, их горячего и непоколебимого решения стать космонавтами.

Не меньше других переживал перипетии обследований и Валерий. Он не имел никаких ограничений в летной работе, с детства любил спорт, увлекался футболом, фехтованием, легкой атлетикой, городками.

И, переходя из кабинета в кабинет, замечая улыбки врачей, ловя редкие одобрительные реплики специалистов, Валерий все больше начинал верить: его примут.

Первые медицинские заключения, беспристрастные и объективные, дали ему право считаться кандидатом.

Последующий цикл отбора — специальные испытания на различных установках, тренажерах, стендах, каждый из которых в какой-то степени имитировал условие, могущее возникнуть в полете. Валерий «поднимался на высоту» в барокамере. Когда из камеры откачивали воздух, врачи следили за малейшими изменениями в организме, наблюдали, как влияет на пилота разреженная атмосфера, многоканальные контрольные приборы каждую секунду вели запись деятельности сердца, мозга, дыхания, артериального давления.

Испытания были сложнее и строже тех, которые летчики проходят в частях и учебных центрах. На «космической» комиссии к кандидатам подходили с более высокими требованиями.

Отсев был велик. Кратковременная потеря сознания, появление тошноты, головокружения исключали дальнейшие испытания.

Так были выявлены самые сильные, надежные, натренированные и закаленные. В число их попал и Валерий.

В СЕМЬЕ КОСМОНАВТОВ

Новая жизнь... Кто не испытывал особой приподнятости, душевного волнения, приступая к новому, неизведанному?

Когда кандидаты в космонавты съехались в «звездный городок», тренировки начались сразу, без какой-либо раскочки.

Каждое утро начиналось с физзарядки. Потом гимнастика, легкая атлетика, игры, занятия на снарядах и батуте. День ото дня программа усложнялась — центрифуга, вибростенд, качающаяся платформа, ротор и другие специальные установки.

Снова медицинские и психологические обследования, более детальные, чем прежде. Казалось, конца не будет этому «хождению по мукам». Но те, кто прибыл вместе с Валерием, были твердо намерены силой тела и силой духа штурмовать все медицинские «преграды».

Валерий присматривался к товарищам. Они были летчиками, прошедшими первую школу в авиационных строевых частях. Все они страстно любили небо, свою профессию и до одержимости хотели стать пилотами космических кораблей. Эта мечта была и у застенчивого и доброго Юрия Гагарина. Валерию

как-то сразу полюбились и его удивительная улыбка, и ломкий молодой голос, и небольшая, но очень складная фигура. Мечтой о полете к звездам жил и Герман Титов.

«Вот интересный парень, — думал о нем Валерий. — Он и юморист, чуткий к слову, умеющий мгновенно настраиваться на волну собеседника, и неутомимый весельчак. И в то же время по-хорошему сдержан, лаконичен». Герман всегда оставался самим собой — добрым, простым, интеллигентным. Валерию нравились в Титове его способность схватывать все на лету и удивительное упорство, с которым он тренировал свое тело.

Веселый и остроумный Павел Попович казался самым старшим. Эту солидность придавала ему не внешность, а майорские погоны. За внешним спокойствием Поповича скрывалась неукротимая, очень живая натура. Он любил песни и пляс, крепкую шутку и риск. Пришел из полка, где тренировались мастера высшего пилотажа.

Все ребята были одинаково хороши, но у каждого было что-то свое, что выделяло его из общей группы.

Холостяцкое положение сблизило Валерия с Андрияном. С первых же дней знакомства они почувствовали огромную симпатию друг к другу. Валерий уловил в Андрияне самое ценное в человеке: честность, неподдельную смелость, благородство души.

Постепенно складывался коллектив, крепла дружба. Всюду ребята бывали вместе: и на занятиях и в минуты отдыха. Вскоре Валерий стал заместителем секретаря комитета комсомола. Избрали его, видимо, потому, что бросались в глаза его энергия, живость, быстрый ум. Теперь надо было смотреть шире на свои обязанности, да и комплекс подготовки принял несколько иной оборот. Чуть ли не каждый день комсorghу приходилось во что-то вмешиваться, кого-то убеждать, с кем-то спорить. Ритм жизни, взаимоотношения молодых офицеров, их быт не складывались сами по себе. Требовалось многое делать заново, кое-что изменить. Руководство видело в Быковском свою опору, ребята — товарища.

Роднило их то, что они не любили громких фраз. Если им давать задание, то лучше без таких слов, как «ответственность», «важность», «исключительная необходимость». Они, летчики, знали, как нужно работать, как беречь время, как сделать большое дело в сжатые сроки.

Постепенно сложилась у ребят своя традиция — честно и откровенно говорить обо всем прямо в глаза, без обиняков. Это называлось просто собраться. И они просто собирались. Возникает какой-то вопрос, ну, допустим, товарищ совершил неправильный поступок или, может быть, начинает, откровенно говоря, нос задиравать. Ну вот и решают: нужно собраться. И кто-то встает, не обязательно командир, а любой и говорит: «Ребята, нам сегодня нужно собраться». Все собираются, никто не спрашивает зачем. Значит, надо.

Там Гагарину — так Гагарину, Титову — так Титову, Поповичу — так Поповичу, — любому «закладывают», если заслужил. Без длинных речей, конкретно.

К КОСМОСУ ПРИВЫКАЮТ НА ЗЕМЛЕ

На центрифугу Валерий шел со странным чувством. Это оригинальное сооружение понятно летчику, понятно по своему принципу. Вернее, даже не по принципу, а по конечному результату — перегрузке. В полетах на самолете это бывало не раз. Но как на земле можно создать определенное число «ж»? Хитрая штука эта центрифуга. А происходило все так. Космонавт усаживался в кресле в такой позе, которая ожидает его в кабине настоящего корабля. При вращении центрифуги на него действовала центробежная сила, которая прижимала, вдавливала тело в кресло.

Скорость вращения могла меняться, увеличивая или уменьшая величину прижимающей силы. Тем самым создавалась полная имитация тех перегрузок, которые возникают при выходе космического корабля на орбиту или при торможении его в плотных слоях атмосферы во время спуска.

Валерий сначала тревожился, но старался быть предельно собранным. Однако стоило креслу поплыть по кругу — тут же успокоился. Ощущение утяжеления собственного тела действительно очень напоминало то, что он испытал в полетах на реактивном самолете.

Первое испытание Валерий выдержал легко. Решили увеличить нагрузку. Тоже нормально. Прибавили еще. Стало тяжело. Это и естественно.

Усилием воли он старался предотвратить потемнение в глазах, побороть свинцовую тяжесть во всем теле. Это помогало, но перегрузка переносилась нелегко. Все быстрее вращалась центрифуга, все внимательнее следили врачи за показаниями самописцев, фиксирующих кровяное давление, дыхание, пульс, биоэлектрическую активность мозга (электроэнцефалограмму). Тревожных признаков не было.

Кресло останавливалось медленно. Нагрузка спадала значительно быстрее. Так по крайней мере казалось. Врачи контролировали, как идет процесс нервного и физического успокоения, а руководитель тренировки — врач спрашивал:

— Ну как?

— Крепко жмет. Похоже на крутой вывод из пике.

— Я не об этом, — уточняет врач. — Дыхание как?

— Дышать трудно. Да я и не понял: дышал или нет.

Врач сказал, что техника дыхания — это главное на центрифуге. Ее отработкой будут заниматься специально. А про себя думал:

«Силен паренек. Такой смог бы выдержать большее и так же улыбаться, словно ничего особенного не произошло. Есть у него выносливость, воля и стойкость. А космонавт немислим без этих качеств».

Советы врача Валерий усвоил быстро. Он научился чувствовать моменты, когда надо увеличить частоту дыхания, а когда, наоборот, заставить себя дышать глубоко и редко. Перегрузки стали переноситься легче.

Программа подготовительных тренировок обширна и разнообразна

разна. Она рассчитана на то, чтобы приучить организм к множеству условий, которые могут встретиться в космосе.

Вибростенд и трехступенной ротор, на котором космонавты тренировали вестибулярный аппарат, — процедура скорее нудная, нежели трудная. Сколько ни тренируйся — никакого результата. Так по крайней мере казалось. Раньше летчики хорошо переносили тряску, вибрации и различные вращательные манипуляции и теперь чувствовали себя на установках хорошо. К неприятной тряске быстро привыкли и даже не замечали ее.

Другое дело — полеты на невесомость. Здесь все было ново, необычно и удивительно интересно. Если подходить к явлению чисто физически, то на Земле есть только одно место, где существует естественная невесомость. Оно в центре ядра Земли. Там силы тяготения взаимно уравновешиваются и исчезают. Правда, что-то подобное частичной невесомости Валерий испытал во время полета на перехват, когда заходил на цель сверху. Выполняя маневр, он ощущал необычную легкость, и какая-то неземная сила приподнимала его, отрывая от кресла. В таких случаях он крепче держался за ручку, стараясь «втянуть» себя на место.

Много различных предположений высказывалось учеными о возможности влияния состояния невесомости на организм человека. Среди них были и очень пессимистичные. Полеты животных на искусственных спутниках и космических кораблях доказали, что невесомость не представляет опасности для жизни. Ну, а что будет чувствовать космонавт? Сохранится ли его работоспособность? Не нарушится ли координация движений, сумеет ли он ориентироваться в пространстве? Ответов на эти вопросы не было до первого полета в космос самого человека. Поэтому-то тренировкам уделялось большое внимание.

Сначала такие опыты проводились на обычной «спарке» — двухместном истребителе «УТИ-МИГ-15». Потом на других, специально оборудованных самолетах. На них удавалось создать более длительную невесомость. Тогда космонавты стали учиться принимать в невесомости пищу, пить, вести радиообмен. И, как ни странно, читать стихи. Валерий и сейчас помнит строки Пушкина, которые он декламировал во время таких тренировок:

Сквозь волнистые туманы пробирается луна...

Потом начались более сложные полеты на больших самолетах. Здесь космонавты занимались в просторной, специально оборудованной кабине. Они пробовали крутиться, ходить по потолку, делать сальто, плавать по кабине из угла в угол, чуть отталкиваясь от обтянутых мягкой обивкой стенок.

ИСПЫТАНИЕ ОДИНОЧЕСТВОМ

И снова лаборатории. Испытание одиночеством в звуко-непропускаемом помещении — сурдокамере — Валерию выпало проходить самому первому. В чем оно будет заключаться, он сначала не понимал. Небольшая, изолированная от внешнего

мира комнатка: три на три шага. Авиационное кресло. Стол. Огромный, уходящий на конус иллюминатор. Табло с цифрами — черными и красными. Несколько приборов. Пакеты с питанием. Вот, пожалуй, и все. Больше ничего: ни людей, ни звуков, только тикают часы. И так много дней.

— Что, думаете, умру со скуки? Нет, я человек веселый. Давайте начинать.

В лаборатории все было готово. Собрались дежурные врачи, лаборантки, радиотелеспециалисты — все те, кто строго по графику должен был проводить испытание.

Авиационная психология имеет достаточно данных о психофизиологических расстройствах, возможных у пилота, летящего на скоростном реактивном самолете. Психология космическая нуждалась в более углубленных исследованиях применительно к новым условиям.

Валерий перешагнул порог сурдокамеры.

Испытание началось. Валерий четко выполнял положенные задания. Приборы требовали внимания, и он работал: следил за их показаниями, занимался с таблицей. В свободное время читал «Занимательную математику», новеллы Стефана Цвейга, книгу по психологии. Первое время мешали электроды, которые крепились на лбу, затылке, руках и ногах. Даже не так электроды, как множество тонких электрических проводов, тянущихся к специальному щиту. Но скоро привык; рисовал карикатуры, распевал любимые песни. Правда, на такие развлечения времени оставалось мало, так уплотнялся рабочий день.

Прошли сутки, вторые, третьи... Жизнь в камере стала привычной. Первое время Валерий чувствовал себя несколько скованно, зная, что телевизионный глазок и объектив кинокамеры бдительно следят за каждым его движением, а чуткие приборы периодически записывают физиологические функции, контролируют устойчивость его организма. Но потом привык.

Неприятно было другое — так называемые помехи. Из динамиков порой, будто капли дождя, падали в тишину звуки. Резкие, неприятные. Иногда впереводку с ними вдруг мигали красные лампочки на кронштейне — назойливо, тревожно. Но постепенно он свикся и с этим.

Было время и подумать о многом. Снова вспоминались и слова отца о труде и утверждение майора Шилова: «Без элементарщины» мастером не станешь». Теперь, в немом молчании, которое время от времени становилось нестерпимым, Валерий думал и о беседе с врачом.

— Человек должен до конца представлять себе трудности, которые ему предстоит преодолеть, — говорил врач. — Когда серьезному испытанию подвергаются люди, не имеющие отчетливого представления о том, что с ними делают и для чего, нервы этих людей сдают.

Истек установленный срок, тяжелая железная дверь «камеры тишины» открылась. Товарищи бросились к нему навстречу — с цветами, распросами. Заросший густой черной бородой, Валерий шутливо ответил:

— Братцы, пресс-конференции не будет. Сначала мне нужна

бритва, потом натуральный шашлык. Только после этого вы получите интервью.

Тренировки чередовались с классными занятиями, на которых космонавты познавали сложные технические науки, изучали космический корабль и его оборудование.

Домой приходил усталый. Никаких необыкновенных случаев, ярких эпизодов. Все было гораздо проще, обыденнее, чем мечталось, и труднее — именно своей повседневностью.

КОЛУМБЫ

Космическую ракету, которая выводит корабль на орбиту, Валерий увидел летом 1960 года. Это было еще в дни подготовки полета четвероногих космонавтов.

Автобус несся по асфальтированной дороге среди огромной, бескрайней равнины. Мимо мелькали поселки и маленькие компактные города, ажурные мачты высоковольтных линий, уходящих за горизонт.

Валерий прильнул к стеклу. На повороте он заметил башенку среди степи. Расстояние до нее быстро сокращалось. Башня выростала, стала огромной. Вскоре можно было отчетливо различить зализанное сигарообразное тело многоступенчатой ракеты-гиганта. Она поблескивала сквозь переплетения металлических конструкций стартового приспособления.

«Вот на чем совершит первое путешествие в небесные высьты кто-то из нас, — восхищенно подумал он. — Рано или поздно, и я полечу на ней в космос».

19 августа 1960 года космическая ракета вывела на орбиту корабль с Белкой и Стрелкой. Сделав восемнадцать витков вокруг планеты, они благополучно вернулись на Землю. Это был успех. Потом еще несколько пробных полетов. Приближался запуск космического корабля с человеком на борту. Валерий и его товарищи по всему чувствовали, что день, когда кто-то из них займет место в кабине, уже недалек. Об этом говорил им и Главный конструктор. Каждая встреча с ним давала будущим космонавтам много нового, волнующего и интересного.

И вот свершилось. Космический корабль «Восток» стартовал 12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут по московскому времени. Его пилотом был товарищ Валерия майор Военно-Воздушных Сил летчик-истребитель Юрий Алексеевич Гагарин.

Валерий помнит слова Гагарина перед стартом:

— Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле...

Потом маленькая кабина лифта доставила космонавта наверх,

к люку. Там его ждали врачи. До момента, когда нажмут кнопку пуска, осталось совсем немного. Все работы на месте старта закончены. Казалось, что время замедлило свой бег. Валерий почувствовал, как к горлу подступил комок. «Нельзя так волноваться, — подумал он. — Сейчас надо быть особенно спокойным».

Но попробуй быть спокойным, когда устремляется в космос первая в истории ракета с человеком на борту. Ведь это не только итог большой работы многих коллективов — это сорок четыре года Советской власти, это то, о чем девяносто лет назад мечтал Маркс, когда говорил, что пролетариат будет штурмовать небо.

Объявили 10-минутную готовность. Потом — пяти. Бесконечно долго тянется время. В наступившей тишине раздается последнее:

— Подъем!

Заработали двигатели. Ракета чуть дрогнула, медленно оторвалась от земли и, набирая скорость, устремилась ввысь, оставляя за собой ослепительно яркий огненный шлейф. В этот момент казалось, что два солнца светятся над землей. Но одно из них становилось все меньше, меньше и вскоре совсем скрылось.

Незаметно смолк и оглушительный грохот. На старте стало тихо. Все, кто был в этот день на космодроме или пунктах слежения, с нетерпением ждали первых сообщений космонавта. Ждал и Валерий, чутко вслушиваясь в малейший треск динамиков. Волновался он, наверное, больше, чем сам космонавт. Часы отсчитывают первый, второй, третий... десяток томительных секунд. И вот голос Юрия из космоса:

«Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо...»

Каждое такое сообщение Валерий слушал, сопоставляя услышанное со своими предположениями. Все шло по заранее отработанному плану. Через определенное время после старта, когда ракета прошла плотные слои атмосферы, сработала автоматика, и сбросился головной обтекатель, затем после выработки топлива одна за другой отделялись ступени ракеты.

«Самочувствие отличное. Вижу землю, лес, облака», — передал Юрий Гагарин. Голос его звучал бодро.

Подвиг свершен. Колумбом космоса стал наш, советский человек.

Юрий Гагарин уже благополучно перенес участок выведения, когда на него обрушились вибрации, перегрузки, шум двигателей. И, несмотря на все трудности, он четко выполнял задание.

— Молодец, Юра! Жми! — Сердце Валерия переполнилось гордостью за товарища. Ведь до сегодняшнего дня никто из людей в космосе не был. Каково там, должен сказать Юрий.

Новое сообщение с «Востока»: наступила невесомость — состояние, в котором еще ни один человек на Земле не был более двух минут. А Гагарин должен был находиться в этих условиях более часа.

«Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо. Бортовая аппаратура работает исправно», — снова передал Юрий.

Значит, состояние невесомости не мешает работать. Осталось ждать спуска и приземления.

Потом сообщили, что включились тормозные двигатели. Они плавно гасили скорость, а космонавт дублировал работу автоматов.

Первый в мире полет в космос Ю. А. Гагарина прошел блестяще. Он открыл окно, в которое стали видны ясные перспективы будущих рейсов в бескрайние дали Вселенной.

Может быть, не все в точности представляют объем и значение специфических и психологических проблем — не говоря уж о проблемах небесной механики, решение которых принес науке победный полет Юрия Гагарина. Но Валерий понимал это разумом и сердцем. В космос проникли уже не одни только механизмы, какой бы совершенной ни была их автоматика, не только растения и животные с Земли, но и сам человеческий мозг, человеческая воля.

Это означало открытие новой эры в истории человечества.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

14 апреля, через два дня после исторического полета, Валерий вместе со своими товарищами-космонавтами был в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Никита Сергеевич беседовал с космонавтами, как со старыми знакомыми. Дружески улыбнулся и просто, по-свойски сказал врачу:

— Ну, рассказывайте про своих орлов. Готовы они идти дальше Юрия Гагарина?

— Безусловно, Никита Сергеевич!

Никита Сергеевич заметил, что в возможности полетов еще дальше и выше теперь уже не сомневаются не только друзья Советской страны, но и явные недруги. Правда — она свое берет!

Глава правительства интересовался подготовкой и тренировками космонавтов, со знанием дела говорил о величайших перспективах начатого, высказывал смелые, волнующие планы, спрашивал мнение будущих командиров космических кораблей. В каждой фразе, в каждом слове Первого секретаря ЦК чувствовалась забота партии и правительства о нуждах космонавтики — новой деятельности человека, ставшей практически возможной в нашем, XX веке.

Валерий вместе с другими внимательно прислушивался к каждому слову Никиты Сергеевича. Он вдруг отчетливо, как никогда раньше, не только представил, но и сердцем ощутил весь огромный диапазон деяний партии. Сколько у нее дел! Она отвечает за все: за людей, за металл марتنенов, за хлеб целины, ток электростанций, большую химию, автоматизацию, науку и политику, за космос. Руки у партии крепки, глаз острый, цели правильны. Она может все. Она воля, ум и совесть миллионов советских людей. Если партия думает о космосе, он будет покорен.

Никита Сергеевич долго разговаривал с теми, кого ждут звезды, потом обвел всех добрым отцовским взглядом и от души пожелал:

— Хороших вам полетов, товарищи!

Космонавты отпраздновали успех, и снова началась будничная работа, труд по подготовке новых замечательных стартов.

По старой авиационной традиции состоялся детальный разбор полета. Докладывал Юрий Гагарин, потом выступали ученые и специалисты, анализировалась работа всей бортовой и наземной аппаратуры, действия пилота, делались выводы, заключения. Дальнейшие тренировки стали проводиться с учетом того нового, что дал первый космический рейс человека.

Вскоре пришла радостная весть. Советское правительство Указом Президиума Верховного Совета СССР наградило группу космонавтов высокими наградами. В списке награжденных значилось и имя Валерия Быковского. Ему вручили орден Красной Звезды — первую награду в его жизни.

Прошло около четырех месяцев, и настал день нового старта. Полетел Герман Титов. В космос устремился корабль-спутник «Восток-2», более совершенный, чем его предшественник.

Герман Титов не просто повторил подвиг Гагарина. Двадцать пять часов провел он в космосе — 700 тысяч километров пролетел его корабль. Обладая сильным русским характером, Титов бесстрашно жил в герметической кабине «Востока» и чувствовал себя так же свободно, как чувствует себя человек в поле во время прогулки, собирая цветы. Свобода эта была относительной только в том смысле, что в космос летают не для прогулок. Полет — это работа, работа сложная, напряженная.

Итог первых полетов — космос становился подвластным людям.

ПОМОЩЬ ДРУГА

Спасибо Герману. Он во многом помог Валерию да и всем товарищам готовиться к новым стартам.

Герман провел в космосе более суток и почти все это время находился в состоянии невесомости. После своего полета он во всех деталях рассказывал об особенностях работы в необычных для землян условиях. Ведь существовало предположение, что от продолжительности пребывания пилота в невесомости зависит, как он будет переносить перегрузки, которые наступят при торможении космического корабля в плотных слоях атмосферы.

В невесомости облегчается работа мышечного аппарата, в том числе и сердечных мышц. Предполагалось, что если состояние невесомости будет продолжаться достаточно долго, то

сердечно-сосудистой системе, привыкшей к работе в облегченных условиях, будет слишком трудно, когда начнут действовать посадочные перегрузки, и вес крови сильно возрастет.

Считалось, что может наступить расстройство кровообращения. Пока невесомость продолжалась около часа, эти явления развиваться не успевали. А вот как будет при суточном полете?

Сутки... В течение этого периода совершаются все основные жизненные циклы: человек работает, питается, отдыхает, спит. Грубо говоря, если нормально прожить одни сутки, значит и другие не страшны. Так ли это?

Герман рассказывал о сне и питании, о работе и отдыхе, о том, как он приспособивался к новым условиям. Ведь семнадцатую космическую зорь встретил он в полете, дважды включал рулевое управление.

— Невесомости, Валера, бояться нечего, — говорил Космонавт-два. — Есть, правда, небольшие особенности, которые она создает, но помехой они быть не могут. Координация движений сохраняется полностью, вести радиопередачу и работать телеграфным ключом можно свободно, записывать в боржурнал — тоже. Только приглядывай за ним, а то уплывет.

Валерий слушал товарища, а сам думал: тысячу раз был прав Никита Сергеевич Хрущев, когда говорил, что полет летчика-космонавта Титова представляет собой не просто очередное достижение нашей техники, не просто подвиг отваги и мужества советского человека, а факт, который несет в себе огромное знаменательное содержание. В нем как бы сконцентрировались и мощь нашей первоклассной индустрии, и высшее достижение советской науки и техники, и благотворная жизненная сила советского строя, раскрывающая таланты и способности масс.

Рассказывал Герман и о красках космического неба. Все это было очень похоже на то, что летчики-высотники наблюдают, поднявшись в стратосферу. Но в космосе обзор был шире, краски ярче и гуще. А наша Земля оказывается не такой уж далекой. С высоты трех сотен километров космонавт видел крупные реки, большие водоемы, леса, складки местности, береговые линии, крупные квадраты колхозных полей...

Интересно, Юрий летал в космос коммунистом, Герман — кандидатом в члены партии, а он, Валерий, собирался лететь с комсомольским билетом. Он так и сказал секретарю ЦК ВЛКСМ Павлову: надо же побывать в космических высотах и «подручному партии».

Валерий знал: час его старта впереди. Но он был всегда готов выполнить любое задание партии, народа. И конкретная задача, поставленная перед ним и его товарищами, — разведка космических трасс — будет выполнена, выполнена с честью. Знал он и то, что последующие задания должны были быть сложнее.

Неугомонный Герман использовал любую возможность, чтобы попасть на тренировку товарищей и помочь, чем только мог. Он и Юрий высказывали одно предположение за другим,

внимательно следили за действиями друзей, все замечали, анализировали, советовали.

Как пригодились потом эти советы и дружеская помощь!

Перед тем как стартовал «Восток-5», Валерий уже бывал в «космосе». Правда, полеты эти были не настоящими и совершались они не на космическом корабле, а на специальном тренаже, своего рода «спарке», на которой тренируются летчики.

Валерия одевали в скафандр, и он занимал место в кабине. Закрывался люк. Предстояло проверить оборудование, убедиться в надежности всех систем, работоспособности приборного хозяйства. После этого он нажимал кнопку радиосвязи и докладывал:

— Земля.. Земля.. Я — космонавт. Проверку оборудования закончил. Все системы работают нормально.

Инструктор, руководивший тренировкой, отдавал команду «Внимание! Старт!», и мощный гул, имитирующий взлет корабля, потрясал учебное помещение. Валерий должен был докладывать (точно так, как в настоящем полете) о выведении корабля на орбиту, о том, что он наблюдает в иллюминаторах.

Монотонное гудение блоков счетно-решающей машины, программирующей «полет», щелкание многочисленных реле, меняющийся фон в иллюминаторах, движущиеся по циферблатам стрелки часов и других приборов — все это в сочетании с умственной и физической нагрузкой создавало иллюзию настоящего полета, побуждало к чувствованию — предметному и объемному.

Когда корабль «находился в тени Земли», кабина озарялась искусственным светом. Затем яркий «солнечный» луч, ударяющий внезапно в иллюминатор, имитировал выход из тени. Все было как в настоящем полете: космонавт определял координаты местонахождения, докладывал о самочувствии, вел дневник.

В программу тренировки входила и ручная ориентация корабля. Выполняя эту операцию, Валерий явственно видел, как кабина медленно начинала разворачиваться иллюминатором в сторону «Земли». Сначала ее не было видно, и перед взором космонавта проплывали только звезды. Но вот краешек иллюминатора блек, и все яснее различались голубой ореол горизонта. Секунда-другая, и «Земля» заполняла весь иллюминатор. Корабль сориентирован.

Инструктор старался усложнить тренировку, создавал различные аварийные ситуации, которые требовали от Валерия чрезвычайно точных и быстрых действий, находчивости и хладнокровия.

Потом снова нарастал шум — включались тормозные двигатели, имитировался полет корабля на спуске.

Когда тренировка оканчивалась, товарищи помогали Валерию снять скафандр. Потом, подхватив на руки, подбрасывали вверх. Слышался смех, веселые шутки. Улыбался и руководитель тренажа. После короткого отдыха начинался разбор полета и ошибок, которые допускал космонавт.

НА ЛАДОНИ ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Сады в ту весну цвели, как никогда. Деревья стояли в сплошной бело-розовой пене.

Валерий любил весну, любил бродить по улицам, промытым теплыми весенними дождями, когда желтые огни фонарей расплываются на мокром блестящем асфальте. Но сейчас было не до этого. Шел последний этап сложной подготовительной работы. Валерий давно уже не появлялся дома. Перед полетом космонавтов держат на «режиме».

Валя позвонила дежурному. Он обещал позвать Валерия к телефону.

В трубке звучал знакомый голос:

— Как у вас там?

Валерий отвечал сдержанно. Хотелось подбодрить Валю, сказать ей что-нибудь ласковое, но ведь рядом стоял дежурный.

Да, она все понимала. Но оттого, что по роду своей работы она знала больше, чем другие жены, становилось не легче. Готовился новый большой штурм космоса. Для полета отобрали группу космонавтов, которые проходили специальную подготовку. Среди них был и Валерий. Пока еще не известно, кто из них полетит. Может быть, и он...

Работы у будущих космонавтов прибывало.

Космическая техника развивается бурно, на глазах у тех, кто ее ведет в полет. Казалось бы, насколько совершенно устройство корабля «Восток». А вот «Восток-2» более совершенен. Следовательно, и все другие корабли будут отличаться от своих предшественников более отработанной аппаратурой, предельно точными приборами, системами управления и ориентации. Ведь в корабль сажают не туриста, не пассажира, а человека активного, в совершенстве владеющего техникой, умеющего понять и объяснить многое загадочное, что встретится там.

Устройство корабля и его оборудование изучалось на заводах и в лабораториях. Там будущие космонавты были уже не гостями, а хозяевами. Они подолгу беседовали с конструкторами, инженерами, рабочими, встречались и с Главным конструктором и с Теоретиком космонавтики.

Встречи с Главным конструктором Валерий запомнит на всю жизнь. Этот крепкого телосложения, среднего роста человек, с немолодым уже лицом, но удивительно живыми, слегка прищуренными глазами, обладал какой-то особой притягательной силой. Он с юношеским задором, увлеченно и страстно говорил о будущем космонавтики, с доброй хитринкой задавал каверзные вопросы «на засыпку».

Глядя на его открытое русское лицо, чуть медлительные движения — когда дело не касалось работы, — Валерий как-то с трудом сознавал, что это обычный, сугубо земной человек.

— Эх, ребята, и я мечтал полететь! — сказал он однажды, очень тепло выговорив слово «ребята». — Даже первым. Не выпускают меня с грешной земли. Да и годы уже не те. Скинуть бы десяточка два... А все равно полечу. Не первым и не пятым, конечно, а полечу.

Главный конструктор интересовался всем: и жизнью, и учебой, и личными делами космонавтов, с присущей ему прямоотой высказывал свои замечания. Рассказывал о своем пути в авиацию, о новых моделях космических кораблей, о задачах, стоящих перед наукой.

— Вам многое надо знать и уметь, ребята. Вы все, космонавты, первооткрыватели. И Гагарин, и Титов, и Николаев, и Попович, и пятый, и десятый... — говорил Главный конструктор. — Каждый полет неповторим.

Рассказывал он увлеченно, как может говорить только человек, отдающий всего себя, без остатка, любимому делу, которому посвятил жизнь.

— Несбыточно широк наш мир, ребята. От атомных загадок до загадок Вселенной. Вот вы сейчас учитесь в инженерной академии. Это правильно. Это нужно. Наши спутники показали: не зря над чертежами сидим, не зря глядим в микроскопы, не зря наблюдаем звезды. Мир рукоплещет нашей науке. Но загадок во Вселенной и на Земле хватит на всех. Ваше поколение сможет поддержать на ладони лунную пыль, увидит снимки марсианских пейзажей...

ДУБЛЕР

За сутки до старта Андриян и Валерий поселились в коттедже, где провели предстартовую ночь их предшественники — Космонавты один и два. Андрияну здесь все знакомо: те же две кровати, мягкие стулья, круглый стол посредине, радиоприемник «Донец», шахматы на тумбочке, синие обои стен.

Валерий сначала осмотрелся, сел на кровать, покачался на мягких пружинах. Почти год назад такой же августовской ночью спал на ней Герман Титов. Сейчас на стене висит его портрет, а напротив портрет Гагарина.

«Интересно устроена жизнь! — подумал он. — Еще несколько лет назад все это могло быть только фантазией».

Хлопнула дверь. Приехал Гагарин со стартовой площадки, веселый, как всегда.

— Проверили сто первый раз, — бросает он прямо с порога. — Все в порядке.

Потом зашел врач, сказал, что Герман затеял дискуссию с инженерами, какими знаниями станет обладать космонавт в будущем.

— Вот уже два часа спорят. А вам — спать.

Крадучись, опустилась южная ночь — тихая, спокойная, ласковая. Последняя ночь перед стартом. Кто из них полетит завтра?

— Спать! Спать... — уже требует врач.

Чуть свет собрались на площадке около ракетной установки. Тут же, в домике по соседству с серебрящейся на солнце громадой, началось заседание Государственной комиссии. Главный конструктор, Теоретик космонавтики, ученые, врачи... Заслушиваются мнения специалистов. Генерал ВВС представил чле-

нам Государственной комиссии кандидатов на роли командиров кораблей «Восток-3» и «Восток-4» и на роли их заместителей.

Спокойно, скрывая взволнованность, Андриян Николаев сказал:

— Мы очень тронуты, друзья. Спасибо за все. Низкий вам поклон... Мы оправдаем ваши надежды.

Традиционный голубой автобус мчал их к месту запуска.

Потом доклад председателю Государственной комиссии. Главный конструктор и Теоретик космонавтики обнимают и целуют Николаева. Вот Андриян и Валерий чокаются шлемами. Такова традиция.

Андриян вошел в кабину корабля на многометровой высоте ракеты-носителя. Валерий оставался в автобусе. Дублер должен быть наготове.

Четко и лаконично докладывают руководители служб. Все чаще звучит скупая фраза: готово, готово... Наконец последнее: космонавт — готов!

Опустела стартовая площадка. Хронометр отсчитывает время готовности: пятнадцать минут... потом десять, потом...

Думая об Андрияне, Валерий отчетливо вспомнил короткий утренний разговор. Андриюша сказал тогда, что сегодня у него большой день.

— Давно я о нем мечтал, Валера...

По радио шли переговоры с космонавтом. Говорил Юрий Гагарин. Кто-кто, а он знал, что предстартовые минуты самые напряженные, и поэтому стремился подбодрить товарища.

— Андриюша, ты слышишь меня? Ни пуха ни пера. Привет от Валерки.

— Спасибо, Юра. Передай ребятам: я чувствую себя хорошо.

Потом Юрий Гагарин включил музыку. Ее любят все космонавты. Особенно вот эту: «Заправлены в планшеты космические карты...»

Минутная готовность. Шестьдесят недолгих секунд, и... Что скрывать, все немного волновались. И Главный конструктор, и Теоретик космонавтики, и дублер Валера, и все остальные. Волнение это особого рода. Волнуются не потому, что кто-то сомневается в успехе. Нет! В такие минуты просто нельзя не волноваться: человек — сын Земли — улетает на несколько дней в космос!

Последняя команда:

— Подъем!

Ослепляющее пламя ворвалось в лазурь и без того ясного дня. Прокатился глухой громыхающий шум. Взвились клубы серо-черного дыма. Медленно, словно нехотя, вздрогнуло и поползло вверх серебристое тело ракеты.

Тронулась!

Сквозь непрерывный грохот в репродукторах слышится возторженный голос Андрияна:

— Поехали!

В 11 часов 45 минут московского времени с борта «Востока-3» поступило первое сообщение: «Чувствую себя хорошо, на борту все нормально. В иллюминатор хорошо видна Земля. Космонавт Николаев».

Ракета давно исчезла в бездонном небе. Валерий стоял погруженный в свои думы, как вдруг знакомый голос тихо спросил:

— Что размечтался, дублер? За друга волнуешься?

Это был требовательный руководитель и лучший друг космонавтов. Он и врач, и воспитатель, и строевой командир, и задушевный старший товарищ, и наставник. Они постояли молча вдвоем, думая, наверно, об одном и том же.

Интересное это слово — «дублер». Это не дубль, не дубликат. Это совсем другое. В этом простом, может быть, даже казенном слове заложен большой смысл. Кто-кто, а космонавты знают этот смысл. Его словами не передашь, его чувствовать надо. А уж если и попытаться высказать словами, то лучше поэта Валентина Вологодина не скажешь:

Глухая ночь.
Глубокий сон.
Два сердца
 бьются
 в унисон.
Рассвет
 невозмутим
 и тих.
Горячий завтрак
 для двоих.
На два плеча
 ложится жгут.
Двоим, прощаясь,
 руку жмут.
Один приказ.
Один маршрут.
Два места
 их в машине
 ждут.
Корабль
 нацелен
 в высоту.
Один
 переступил
 черту.
Другому —
 в следующий
 раз.
Подъем
 стремителен
 и крут.
Тяжелый путь.
Суровый труд.
За горизонтом
 гром утих.
А друг
 далек
 и невесом.

Дорога космонавту красота Земли!

Два сердца
 бьются
 в унисон,
И боль
 и радость —
 на двоих.

На командном пункте космодрома и на станциях слежения слушали доклады из космоса. Люди собирались у телевизионных экранов. На голубоватых светящихся квадратах хорошо был виден космонавт, спокойно расположившийся в кабине.

Четвертый виток. Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущев при-

нял доклад еще одного космонавта-героя, Андрияна Григорьевича Николаева.

Корабль «Восток-3», делая первые витки, облетал нашу планету со строгой периодичностью в 88,5 минуты, а на космодроме уже действовал график подготовки следующего запуска. Государственная комиссия приняла решение дать старт «Востоку-4» на следующий день.

Заданий у Валерия было много. Надо было дежурить на станции слежения, помогать собирать и обрабатывать информацию, получаемую с «Востока-3», и одновременно помогать готовить к полету Павла Поповича. Вечером 11 августа Космонавт-четыре проходил последние физиологические обследования. В размеренную рабочую обстановку ворвалось сообщение:

— Сейчас над космодромом пролетит Николаев!

Павел секунду колебался, потом прямо поверх измерительных датчиков набросил на себя халат и выскочил на улицу. Вслед за ним бежали Валерий и Космонавт-шесть. Вот она, движущаяся звездочка. Она отчетливо видна на черном бархате неба. В течение нескольких минут они стояли молча, а потом, улыбнувшись, Паша сказал:

— Сегодня посмотрел на друга с Земли, а завтра увижу его в космосе. Ведь так, Валера?

— Так, Паша, так.

И вот новый большой старт.

Второй! Подряд! Разница лишь в том, что на этот раз председателю Государственной комиссии рапортовал летчик-космонавт подполковник Павел Романович Попович, а дублером у него был Космонавт-шесть.

Звучит сдержанное:

— К полету готов!

Снова раздалась команда: «Подъем!» Снова вздрогнула земля от грохота двигателей. Корабль «Восток-4» спешил туда, где уже сутки жил и работал гражданин Советского Союза майор Николаев. Такого еще не было в истории.

12 августа 1962 года в 12 часов 30 минут Земля приняла коллективную радиограмму из космоса:

«Докладываем советскому народу,

Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза,

Правительству СССР,

Товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву.

В соответствии с заданием идем на совместный групповой полет на близком расстоянии. Между кораблями установлена надежная связь. Системы кораблей работают отлично.

Советские космонавты Николаев, Попович».

Да, их стало двое в космосе. Два советских человека, два летчика, два коммуниста. Они летели на близких орбитах, они разговаривали в космосе, они наблюдали за полетом соседнего корабля в иллюминаторы. Это был первый в мире групповой полет космических кораблей.

Врачи вглядывались придирчиво в показания приборов с бор-

та космических станций и, честно говоря, ждали появления признаков «космической» болезни. Глядя на них, тревожились и товарищи героев. Но прошли сутки, вторые, третьи... Начались четвертые. Четыре дня и четыре ночи продолжался этот исторический полет, за которым следила вся планета.

— Самочувствие отличное, — радовал Николаев.

— Самочувствие отличное, — вторил ему Попович.

И многочисленные приборы бесстрастно докладывали объективные данные: «космической болезни нет». Значит, невесомость побеждена.

«Восток-3» и «Восток-4» приземлились в заданном районе. Они пробыли в космосе 166 часов, сделали 112 витков вокруг Земли, прошли 4 миллиона 600 тысяч километров! Разница во времени приземления всего лишь 6 минут! Скоро другие старты.

НА ПОСЛЕДНЕЙ ПРЯМОЙ

После полета Андрияна и Павла программа подготовки стала еще более обширной. Оно и понятно. Появился опыт многосуточного группового полета.

Порой все шло гладко, без сучка, без задоринки. А бывало, приходилось приналечь, позаниматься покрепче, посидеть попозже над описаниями, методическими разработками, чертежами и схемами. Надо тянуться за передовиками. Таков неписанный закон космонавтов — не отставай.

И в эти трудные дни пришла долгожданная радость: жена подарила Валерию сына. Весь день сияющие молодожены принимали поздравления товарищей. Вечером собрались ребята. Принесли шампанское и огромный букет мимоз. Цветов оказалось столько, что маленькая хозяйка не знала, куда их ставить. Ну, а шампанское? Известно — космонавты не пьют спиртного, но в такой день от бокала отказываться нельзя.

Валерий был на седьмом небе. Он настолько уверовал, что у него родится сын, что смело подтрунивал над своими жеманными друзьями. У Юрия — две дочери, у Паши — тоже дочка.

Задор Валерия объяснялся просто. Еще задолго до отъезда Вали в роддом ребята «пугали» его, пророчили дочь.

— Жди дочку, Валерка. Статистика работает не на тебя. Даже газеты пишут, что в Союзе рождается большинство девочек.

А сколько шуму было, когда решали, какое имя дать «будущему космонавту». Но Валя настояла на своем — сын будет носить имя отца. Валерию это льстило, и он гордился.

Потом ребята толпились у кровати безмятежно спавшего малыша. Любуясь сыном товарища, Юрий Гагарин сказал:

— Вылитый отец. Наверное, и характером в тебя пойдет. Будет таким же упрямым, настойчивым и решительным, не отступающим ни на шаг от задуманной цели. Кем он вырастет?

Врачом или инженером, летчиком или космонавтом, полярником или моряком-подводником?

— Космонавтом! — ответили в один голос Андриян и Павел.

И родители малыша их поддержали.

...Заключительный период тренировок можно сравнить с выходом бегуна на последнюю прямую перед финишем. Надо, собрав волю и силы, еще сильнее рвануться вперед.

Валерий отлично «пробежал» на последней прямой. Высокие оценки на экзаменах перед Государственной комиссией, хорошая общая подготовка, единодушное заключение врачей — все это открывало перед ним кабину космического корабля.

Весной много писали о полете американского космонавта Гордона Купера. Сначала предполагалось, что капсула «Фейт-7» будет запущена 2 апреля, потом утром 14 мая. Но этого не случилось. Ряд неполадок в системах привел к отсрочке старта сначала на полтора месяца, потом еще на сутки.

Гордон Купер все-таки совершил 22 витка вокруг Земли. Его полет продолжался около 34 часов. Он установил американский рекорд по продолжительности орбитального космического полета, но мировой рекорд по-прежнему остался за Советским Союзом. Андриян Николаев приземлился после 64 витков.

Валерий знал, что программа предстоящего полета, в котором должен был участвовать и он, ни в коей мере не сравнима с тем, что сделали американцы. Его корабль готовили к многосуточному космическому рейсу. Задачи, которые ставились перед пилотом, были более обширны. А самое главное, что в паре с ним должна была лететь девушка, первая в мире девушка-космонавт.

Валерий ее знал хорошо. Он помнит день, когда девушки впервые приехали к ним в городок, помнит, как состоялось их первое знакомство, как они вместе тренировались.

Сближало их еще и то, что Валя Терешкова тоже пришла с комсомольской работы. Она была секретарем комитета на ярославском ткацком комбинате «Красный Перекоп», избиралась членом бюро горкома и обкома ВЛКСМ, так же как и Валерий, любила парашютный спорт.

Прыжков на личном счету Терешковой было даже больше, чем у Валерия. Она имела первый спортивный разряд, охотно делилась своим опытом. Взаимная помощь способствовала успеху в тренировках.

Так же как и Валерий, Валя с нетерпением ждала своего полета. Им обоим хотелось, чтобы это произошло поскорее. Они не обольщались относительной значимости того, что им предстояло сделать. Считали предстоящее довольно обычным и рядовым. Но в то же время и Валерий и Валя прекрасно понимали, что технический прогресс и покорение космоса воплощаются сейчас в виде длинной лестницы «рядовых» полетов, «рядовых» экспериментов. И даже великое открытие, если оно будет, станет лишь площадкой на этой крутой и трудной лестнице. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой нужно карабкаться по космической лестнице вверх, чтобы увидеть горизонты далеких планет. Полет, который они совершат на своих кораблях, возможно, даст толчок к новым поискам, новым победам.

«ТЫ МОЛОДЕЦ, ВАЛЕРКА»

...Апрель сменился жарким маем. Теплынь в этом году была необычная. Когда на дворе тридцать, трудно заставить себя сидеть за книгами, но иначе нельзя. Приближалось время старта.

В один из вечеров, когда оранжевый блин солнца прилег отдохнуть на темном гребешке леса, Валерий и Валя прогуливались по аллеям затихшего «звездного городка». Разбирали последнее занятие. Из окна дома их кто-то окликнул:

— Ребята, минутку!

Они остановились. Вскоре вышел секретарь парткома, и они зашагали втроем.

— Что молчите? Наверное, думаете, зачем позвал? — заговорил секретарь, обняв их за плечи. — Дело есть, и очень важное. Завтра партийное собрание. Последнее собрание перед стартом...

Валерий хотел заметить, что он еще комсомолец, но, подумав, промолчал. Секретарь знает это, и, если приглашает на собрание коммунистов, значит так надо.

Утром Валерий пришел к учебному корпусу. Здесь собрались его товарищи по отряду, командиры, преподаватели. Дружной четверкой явились Юрий, Герман, Андриян и Павел, подошли и девушки. У всех было торжественное, приподнятое настроение, слышались шутки, веселый говор, и у Валерия на сердце было радостно и легко, но в то же время чувство скрытой тревоги не покидало его. Что он скажет своим товарищам на собрании, которое уже стало традиционным у космонавтов? Такое собрание было накануне полета Юрия, собрались коммунисты и перед другими стартами. И вот снова...

Валерий устроился в конце небольшого зала. Хотелось немного побыть одному и еще раз собраться с мыслями. Правда, сосредоточиться так и не удалось: к нему подсели Герман и Андриян.

Первым выступил Юрий Гагарин. Он как командир отряда доложил о готовности двух экипажей, мужского и женского, к предстоящему полету, коротко рассказал о проделанной работе, пожелал успешной посадки тем, кто отправится в очередной космический рейс.

За ним на трибуну поднимались Попович, Титов, Николаев, командир космонавтов, врачи и преподаватели.

Потом попросил слова Валерий. Когда председательствующий назвал его фамилию, в зале стало особенно тихо. А может быть, это просто ему показалось. Волновался он здорово. Никогда раньше такого не было, ни в сложном ночном полете, когда на самолете отказал прибор, ни на отборочной комиссии, ни в тиши сурдокамеры, ни перед посадкой в центрифугу. Все это казалось много проще, чем выйти к столу и рассказать товарищам, о чем он сейчас думает, что переживает.

Валерий быстро подошел к трибуне, помолчал немного и, наконец, непривычным для себя голосом тихо произнес: «Товарищи...»

И хотя речь свою Валерий не готовил заранее, нужные слова нашлись.

— Так уж повелось, что, отправляясь на задание, мы даем клятву верности долгу, клятву сердца.

В космосе побывало четверо моих друзей, четверо коммунистов. Они с честью выполнили задание нашей партии. Я комсомолец. Ленинский комсомол — подручный партии. И если мне доверят свершить этот полет, я сделаю все, чтобы выполнить его, как подобает коммунисту...

Валерий не расслышал одобрительные возгласы, не видел он и лиц сидящих перед ним людей. Он весь был сосредоточен на своих мыслях и еще раз тихо повторил:

— Как подобает коммунисту.

Потом выступала Валя Терешкова — первая девушка, которая должна была подняться в далекий и суровый космос. Когда собрание закончилось, она подошла к нему и как бы невзначай сказала:

— А ты молодец, Валерка!..

КОМСОМОЛЕЦ С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Многое в это утро было похоже на то, что видел Валерий 11 и 12 августа прошлого года.

Голубой автобус доставил космонавтов к стартовой площадке. Весь недолгий путь от «звездного городка» к космодрому Валерий и Андриян сидели вместе. Говорили просто так, обо всем. Спели традиционную «Давай, космонавт, потихонечку трогай...».

Короткий доклад о готовности к полету. Прощально поднятые руки.

Валерий обвел всех взглядом. Знакомые лица членов Государственной комиссии, инженеров и рабочих на старте. Те же бодрящие улыбки в глазах, та же уверенность в успехе полета.

Серебристая огромная фантастическая сигара почти сливалась с белесым от безжалостного солнца небом и будто дрожала, то ли от марева, то ли от нетерпения: скорее, скорее оторваться от Земли и умчаться в бездну Вселенной! Наступили последние минуты. Десять, девять, восемь, семь...

Последнее сообщение: до старта осталась одна минута! — Прошло сердце насквозь. Нет, не от волнения. От нетерпения, от жажды как можно скорее увидеть и испытать то, о чем он слышал от товарищей.

В наушниках раздался голос Юрия:

— «Ястреб», проведено измерение физиологических функций. Все показания хорошие. Так держать!

Потом еще:

— «Ястреб», будьте готовы!

И вот заветная команда:

— Подъем.

На этот раз он ее услышал не в помещении командного пункта, как раньше, а сидя в пилотском кресле «Востока-5».

Ракета вздрогнула. Ракета вибрировала от мощных усилий.

В немое пространство космоса, где много опасностей, и уже хорошо изученных, и только замеченных, и тех, которые еще нельзя даже предвидеть, устремился комсомолец с планеты Земля.

Быстро возрастали перегрузки. Сила инерции утяжеляла тело, все сильнее и сильнее вдавливала Валерия в кресло. Трудно было пошевелить рукой или ногой. На груди будто каменная гора. Сердце, кровь, даже мозг отяжелели. Он дышал уже не ртом, а животом. Надо уметь так дышать.

— Перегрузки растут, — передал он в микрофон. — Все отлично.

Прошло всего несколько десятков секунд. Перегрузки росли. От этого казалось, что короткие секунды вытягиваются в длинные-длинные минуты. Подобное он уже испытал на центрифуге. И сейчас в полете старался убедить себя, что навалившаяся на него тяжесть меньше той, с которой познакомился он на тренировках. Ракета еще набирала скорость, а Валерий уже включился в работу. Он следил за приборами, поддерживал связь с Землей, вел наблюдения в иллюминаторы.

Одна за другой отделились выработавшие топливо ступени ракеты-носителя. Смолкли двигатели. Корабль вышел на расчетную орбиту и достиг необходимой скорости. Валерий почувствовал неземную легкость: «Вот она, невесомость!»

С командного пункта сообщили, что все идет нормально. Валерий это чувствовал и сам и ответил, что на «борту тоже порядок». Солнце заглядывало в иллюминаторы корабля.

ПЯТЬ ДНЕЙ В ЗВЕЗДНОМ ОКЕАНЕ

Так начался этот многосуточный полет. Советский космонавт управлял космическим кораблем, который мчал с огромной скоростью. Работы хватало. Земля принимала информации из космоса. Конструкторов интересовало, как действуют системы корабля, физиков — уровень радиации, медики запрашивали физиологические данные. Конечно, Валерию помогали приборы и автоматы. Ученые сопоставляли данные космонавта с показаниями множества приборов. Малейшее отклонение от заданных норм, и Земля примет нужные, срочные меры. Но в этом не было необходимости. Все шло хорошо.

Первые полтора часа пролетели одним мгновением. Бортовые часы показывали 16 часов 36 минут московского времени, когда с «Востока-5» приняли радиограмму о завершении первого витка и начале второго. Космонавт докладывал Центральному Комитету, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву о ходе полета: «...самочувствие отличное, системы корабля работают нормально, полет проходит успешно. Благодарю советский народ, родную партию и правительство за оказанное мне доверие».

Земля следила за своим сыном. Врачи вели строгий учет частоты пульса и дыхания космонавта, температуры воздуха в кабине, его влажности и процентного содержания кислорода. Расчетные центры уточняли параметры орбиты. Валерий в это время работал.

Картина, которая предстала перед его взором, была необыкновенной. Черное-черное небо с яркими немигающими точками звезд и Земля, очерченная непередаваемо красивым голубым ореолом.

«Да, правы были ребята, когда восхищались этой картиной,— подумал он и заулыбался. — А ведь Земля действительно круглая...»

— «Ястреб», — послышался далекий голос со станции слежения. — Как самочувствие?

Что можно ответить на этот вопрос? Валерий понимал: длительный полет — это не просто путешествие в черном океане тишины и безмолвия, в мире невесомости и перегрузок. Но у него было такое впечатление, что самое трудное все-таки осталось позади... А что это самое трудное?

Вспоминается центрифуга с ее бешеной вращательной скоростью, духота термокамеры, «бегущая дорожка», ротор... Да разве все перечислишь! Да, сначала мужество на Земле..

Уже привычный и налаженный ритм космической жизни вдруг приобрел для Валерия особый, новый смысл. Валерий в этот момент ощутил такой прилив радости, что даже и передать трудно.

С Земли передавали текст телеграммы Никиты Сергеевича Хрущева. Она заканчивалась словами: «С радостью обнимем Вас на нашей родной Земле».

На нашей родной Земле... Мгновенье, одно лишь мгновенье нужно, чтобы произвести запуск космического корабля. Минуты необходимы для взлета ракеты, выводящей корабль на орбиту спутника Земли. Но годы и месяцы титанического труда предшествовали этим минутам и мгновениям...

Думая об этом в первые часы своего полета, Валерий вспоминал первые годы своей комсомольской юности. Началась она, эта юность, в 1952 году, когда секретарь Бауманского райкома Москвы вручил ему комсомольский билет.

Сейчас он вспомнил, как, выйдя из кабинета, долго рассматривал маленькую серую книжицу, знакомый и дорогой силуэт Ленина на ее обложке — символ служения человеку, борьбы за него, горения ради людей.

Вот уже десять лет, как Валерий член ВЛКСМ. Здесь он встретил хороших, чутких и умных людей, которые помогли ему определиться в жизни: товарищи по школе, военному училищу, авиационной части и, наконец, «звездному городку».

И все эти десять лет он свято хранил верность клятве, данной в райкоме, — быть достойным звания комсомольца.

Корабль вошел в ночь. Внизу россыпью огней проплывали большие города. Валерий уточнил свое местоположение — он летел над родной страной.

«А ребята, наверное, сегодня летают», — вспомнил об однополчанах. Может быть, кто-нибудь из его старых друзей смотрит сейчас из кабины истребителя на звездное небо и ищет

среди множества мерцающих звезд ту, на которой летит он! Так Валерий во время одного из полетов в 1958 году искал в таком же ночном небе спутник.

...Поздно ночью, когда «Восток-5» проплывал по небу маленькой, но яркой звездочкой, Валерий пожелал землякам спокойного сна и уснул сам. Уснула Земля, вернее, та ее часть, которая находилась под покровом звездного неба, уснули те, кто давно закончил свой трудовой день. Не спали лишь дежурные на пунктах слежения...

Утро началось по-земному: зарядка, умывание, завтрак. В эфире снова прозвучал знакомый голос:

— Я вижу тебя, Валерка. Мы видим тебя. Ты слышишь нас? Улыбнись, если слышишь... Мы готовим тебе цветы.

— А заслужил? — ответил космос.

— Ты еще спрашиваешь...

Валерий улыбался.

Вспомнился вдруг вечер 10 августа минувшего года. Все приготовления к полету были закончены. Осталась последняя ночь. Ночь перед стартом. Герман, понимая состояние перед полетом Андрияна и его дублера Валерия, вспоминал различные «мелочи», которые нужно учесть перед стартом, — вспоминал весело, с шутками, смехом.

Потом Валерий остался с Андрияном вдвоем. У них было с полчаса перед очередной встречей с врачами. Валерий, задумавшись, сказал:

— Ну вот, Андрей, завтра ты станешь Космонавтом-три.

Помолчали, любуясь в окно красками заката. Каждый думал о своем.

— Здорово получается...

— Что? Ты про закат? — спросил Андриян.

— Я о завтрашнем. Ведь это уже третий старт, Андриюша. Третий в нашей стране. И такая огромная программа. Здорово! Рад за тебя.

— Спасибо, Валерий. Придет время, и я за тебя порадуюсь. Верить?

— Тебе? Всегда — ты ведь знаешь.

— Павел — четвертый. А ты, Валера, будешь пятым, — убежденно сказал Андриян, а потом, встрепенувшись, добавил: — А впрочем, Валерий, почему ты пятый? Ведь пришли мы в группу космонавтов все вместе, вместе начали учебу и тренировки. Помнишь сурдокамеру? Кто первый шагнул за ее порог? Кто первым испытал «прелести» безмолвия? Ты, так ведь?

— Было такое, — нехотя согласился Валерий.

— А помнишь, когда ты вышел из сурдокамеры, очень усталый от необычного испытания, как мы накинулись на тебя с расспросами? Ты был первый, и твой опыт нам очень пригодился. Так что все мы по первопутку идем.

Все ребята помогали готовиться Валерию к полету. Так уж повелось у космонавтов: за большое дело берутся сообща. Накануне старта, когда Валерий изучал журнал корабля, Юра и Валя укладывали пакеты с едой — его багаж. Герман и Андрей пропадали на старте, наблюдая за подготовкой ракеты. Павел каждый день звонил из Москвы, задавая бесконечные: «Ну, как там у вас?»

И вот теперь, когда Валерий летел в космосе, все они словно были рядом.

— «Ястреб», «Ястреб». Ты узнаешь голос? — спрашивала с Земли Валя Терешкова.— Привет тебе, горячий привет!

А он улыбался и отвечал:

— Жду...

Правильно говорят, что одинаковых дней не бывает. Даже в космосе, где корабль «Восток-5» со строгой периодичностью наматывал на планету виток за витком, дни полета не были похожи один на другой. В один из них Валерий разговаривал по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

— Дорогой Никита Сергеевич, я глубоко взволнован словами Вашего теплого привета. От всего сердца благодарю Вас, Никита Сергеевич, за отеческую заботу. Для меня, воспитанника комсомола, нет выше чести, как выполнять любое задание Советской Родины. Мечтаю быть коммунистом, членом нашей великой ленинской партии. От всей души благодарю советских людей за добрые пожелания. Сделаю все для того, чтобы успешно завершить программу полета. Космонавт Быковский.

Н. С. Хрущев: Еще раз поздравляю Вас, Валерий Федорович. Голос Ваш звучит довольно бодро. Вы меня хорошо слышите?

В. Ф. Быковский: Я хорошо слышу Вас, Никита Сергеевич, большое спасибо.

Н. С. Хрущев: Желаю Вам счастливо завершить полет по намеченной программе и приземлиться на родной земле.

В. Ф. Быковский: Никита Сергеевич, задание будет выполнено. Большое спасибо.

Н. С. Хрущев. Народ Вас встретит с большим радушием. Желаю успеха. До свидания.

В. Ф. Быковский: Никита Сергеевич, большое спасибо Вам за все. До свидания.

Н. С. Хрущев: До свидания.

Пролетая над различными континентами, Валерий передавал приветствия народам Европы, Азии, Америки... Посланец великого советского народа, он нес над миром знамя социалистической Отчизны.

«Я — «ЧАЙКА»!»

Валерий сказал ребятам:

— Жду...

Он ждал «Чайку». И вот в космосе прозвучал новый позывной. Земля запрашивала «Ястреба» и «Чайку». Валерий слышал эти сигналы. Между кораблями «Восток-5» и «Восток-6» установилась двухсторонняя связь. Их командиры словно пожали друг другу руки.

Помнится, Валерий как-то шутил: если в космос полетит де-вушка, то к зеркальцу, укрепленному на правом рукаве скафандра, приделают еще и карманчик для пудреницы, помады и других «космических» принадлежностей.

Валя смеялась.

Валентина Терешкова — курсант аэроклуба.

— Спасибо за идею...

И вот Валя в космосе. Валя — «Чайка». «Теперь ее только так и будут звать наши ребята», — подумал Валерий.

Валерий помнит, как он первый раз встретился с Валею. Ребята и девушки сначала стояли поодаль группа от группы, разглядывая друг друга с нескрываемым любопытством. Потом Валерий подошел к девушкам, протянул руку:

— Ну что ж, давайте знакомиться, я Быковский.

Космонавты живут дружной семьей. Здесь нет друг от друга секретов, поэтому-то и знают все друг о друге.

Валерий знал, что Валя росла и жила среди рабочих людей. Отец Вали погиб в 1940 году, когда ей было три года. Боль-

шое горе и большие заботы пегли на плечи ее матери: трое детей, один другого меньше, требовали постоянного внимания и ухода. Особенно трудно было во время войны.

В школьные годы самой большой Валиной мечтой были паровозы. Да, да, паровозы с трубой и шлейфом дыма, которые проходили через Ярославль, тащили за собой длинные составы вагонов.

— Смотришь в окно мчащегося поезда, — рассказывала Валя, — и кажется, что не он несется вдаль, а поля и перелески, поселки и заводы бегут ему навстречу. А впереди — насколько хватит глаз — стальные пути, которые увезут тебя на край света.

После окончания седьмого класса Валя твердо решила поехать учиться в Ленинградское железнодорожное училище. Мама ее протестовала: «Куда ты, такая маленькая, не примут тебя». Валя украдкой подходила к зеркалу, смотрела на себя, на две маленькие косички, которые мальчики в школе называли «крысиными хвостиками», пыталась подтягиваться на цыпочках, хоть самой себе казаться повыше, но с горечью убеждалась, что она очень маленькая.

Валя пошла на шинный завод: семья нуждалась в ее помощи. Правда, старшая сестра Люда уже работала ткачихой. Но Валя решила, что надо трудиться и ей.

План жизни у нее был такой: работать и учиться. Поначалу все казалось просто: встать пораньше, плеснуть в лицо холодной водой, одеваясь, дожевать вчерашний пирожок и бежать на завод, а вечером — на занятия.

Поклялась обязательно закончить вечернюю школу. В семнадцать лет легче всего давать себе обещания. И труднее, чем когда-либо, выполнять их. Попробуй учить физику или повторять функции угла, когда ты устала на работе, а подружки зовут на набережную, к Волге. Трудно устоять против соблазнов, но откладывать учебу до следующего года Валя не хотела.

Мечта о паровозе постепенно ушла. Дома у Вали появились книжки о летчиках. Читала она их с увлечением и восхищением. Особенно полюбили ей записки И. Н. Кожедуба — известного летчика, трижды Героя Советского Союза.

Валя рассказывала, как однажды увидела она в журнале фотографию темноглазой девушки. Все в ней — и ладно сидящий комбинезон, и тугие лямки парашюта, и даже само имя — Надежда Пряхина — привлекало взор. А когда прочла, что она прыгнула в ночной тьме с самолета и целую минуту и еще несколько секунд пролетела, не раскрывая парашюта, у нее даже дух захватило. Больше минуты лететь в холодной ночной бездне! Да, это не всякий сможет...

«А смогу ли я прыгнуть с парашютом?» — думала Валя. Прыжок с парашютом представлялся ей чем-то фантастическим.

Так было тогда. Сейчас на счету Вали Терешковой более сотни прыжков.

В трудное для нее время Валя перешла в прядильный цех. Она упорно трудилась, училась у людей, не избегая черновой работы. И, несмотря на срывы, — а они были, конечно, — почувствовала себя на комбинате, словно в родной семье. И как-

то само собой получалось — то на собрании ее кандидатуру выдвигали в президиум, то, когда речь шла об ответственном задании, его поручали ей. Комсомольцы поддерживали Валию, помогали, а потом избрали секретарем комитета.

Больше тысячи комсомольцев работало на комбинате. Раньше у Вали и в мыслях не было, что придется руководить такой массой молодежи. С чего начать? Как увлечь ребят? Снова бессонные ночи, снова раздумья...

С какой теплотой рассказывала Валя о своих товарищах, которые работали с ней на комбинате «Красный Перекоп»! Слушая ее спокойный задушевный голос, Валерий думал всегда:

«Какая хорошая черта — любовь к людям. А ведь именно эта черта, пожалуй, главная у Вали».

Сейчас, в полете, Валерию вспомнился один эпизод, рассказанный в свое время Валей Терешковой... Была осень. Осень 1961 года. Синее-синее небо необъятным шатром повисло над Волгой, над зеленым ковром полей, над верхушками далекого леса. Если лечь на спину и долго, не отрываясь, смотреть ввысь, то покажется, будто не белые барашки-облачка безмятежно плывут над землей, а ты сама паришь в голубом океане.

Ребята и девушки из Ярославского аэроклуба, среди которых была и Валя, отдыхали после прыжков.

Запрокинутые вверх головы. Тишина. Каждый думал о чем-то своем. Так им казалось. А когда вдруг разговорились, то выяснилось, что мысли у всех были одни — «космические».

Космонавтика... Это новое слово вошло в жизнь ярославских парашютистов. А потом полет Юрия Гагарина, Германа Титова...

«Стало быть, началось!» — думала Валя. Наверное, недалек тот день, когда в космическую высь поднимется советская девушка и громко, чтобы слышали все, скажет: «Здравствуй, Вселенная!»

Так оно и получилось. Весь мир слышит ее позывные:

— Я — «Чайка», я — «Чайка». Все идет хорошо!

РАДИОГРАММА ИЗ КРЕМЛЯ

Валерий — «Ястреб». Этот позывной ему дали перед стартом. «Орел», «Кедр», «Сокол», «Беркут», «Ястреб» и вот теперь — «Чайка».

...Уже более четырех суток «бороздил» космос «Восток-5». Перекрыты все рекорды по дальности и продолжительности орбитального полета, а впереди еще много витков. Так предусмотрено программой.

В одном из сеансов связи Валя сказала:

— Валерик, чтобы тебе не было скучно, я постараюсь спеть нашу любимую песню космонавтов.

И Валерий слушал.

Валерий работал по программе. Сделаны кадры Земли из

космоса, он несколько раз выходил из кресла, плавал по кабине, все свои наблюдения записывал в бортовой журнал. Время летело быстро. На каждом витке, через каждые полтора часа, ночь сменялась днем. Таким образом, за одни сутки космонавт семнадцать раз встречал день и семнадцать раз попадал в темноту ночи.

Ночью Валерий наблюдал Луну. Она из космоса смотрится совсем иначе, чем с Земли. Это уже не плоский «блин», который мы привыкли видеть в светлые ночи. Валерий видел ее совсем близко, видел как шар, ощущал пространственную выпуклость «ночного светила».

Луна... Это вторая часть нашей двухпланетной системы. По существу, другая планета. Самая близкая, но отдаленная от нас более чем на треть миллиона километров межпланетного пространства. Она самая знакомая на ночном своде и в то же время полна волшебного очарования. Кажется совсем безучастной ко всему земному, но тормозит вращение нашей планеты на две тысячные секунды каждые сто лет, поднимает воды океанов живым дыханием приливов и отливов. Луна полна необъяснимых загадок гигантских кратеров, кольцевых хребтов, она мертва и безвоздушна. Ученые считают, что жизнь на ней невозможна, и это действительно так. Но дайте людям ступить на ее поверхность, и они все переделают. Люди все могут.

Валерий верил в это, верил всей душой. Более того, у него не было сомнений, что пройдут годы, но рано или поздно на Луну ступит нога человека, и тогда — ради справедливости, иначе просто нельзя — на Луне воздвигнут грандиозный монумент Циолковскому и Кибальчичу, Цандеру и Кондратьюку... И не только это: на гранитных плитах огромными золотыми буквами будут высечены имена тех ученых, которым обязаны все мы стремительным космическим взлетом.

«Восток-5» продолжал свой полет. Где-то рядом находился второй корабль. Валерий и Валя пролетали над просторами родной страны, над Волгой и Москвой, над тайгой и степью, над вершинами гор и просторами морей. Люди Земли жадно ловили каждое их сообщение и каждый раз улыбались друг другу, когда узнавали, что «самочувствие обоих космонавтов отличное. Полет продолжается».

В часы, когда в Большом Кремлевском дворце открылся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, на борт «Востока-5» поступила радиogramма. Зачитывал ее Герман Титов:

«Товарищу В. Ф. Быковскому.

В одной из радиogramм Вы просили принять Вас в ряды ленинской партии.

ЦК КПСС рассмотрел эту просьбу и принял постановление о приеме Вас в члены КПСС.

Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев».

Наверное, ни одна радиogramма в космос не была передана столь взволнованно, да и данные пульса и дыхания Валерия, которые столь интересовали врачей, на этот раз вышли из привычных пределов. И пусть никто не сетует на это. У человека радость, огромная радость. Он горд, он счастлив. Его ру-

ка тянется к переключателю на пульте управления, он вызывает Землю, он просит срочно принять его сообщение, он должен сказать. И Земля слушает голос своего сына.

«ЦК КПСС

Москва, Кремль.

От всего сердца благодарю нашу родную Коммунистическую партию за высокое доверие — прием меня в ряды КПСС.

Я оправдаю Ваше доверие. Задание Родины и партии будет выполнено отлично. Космонавт Быковский».

Земля приняла слова из космоса. Их тут же передали туда, где коммунисты страны обсуждали очередные задачи идеологической работы партии. И Пленум ЦК пожелал командирам «Востоков» пять и шесть успешного завершения совместного исторического космического полета.

В этот день наземные станции слежения слышали пение «Ястреба» и «Чайки» в космосе. На звездных орбитах состоялся первый в мире космический дуэт. Валерий и Валя пели песню о дружбе, любимую песню Космонавта-пять.

ВСТРЕЧАЕТ ЗЕМЛЯ

Люди Земли сорвали уже пять листов с календаря, а Валерий и Валя все еще были в космосе. Один за другим зачеркивались пункты программы полета: «Выполнено, выполнено, выполнено...» Начался 82-й виток. Последний виток! Подана команда на спуск. Надет шлем, сделано все, как предусмотрено инструкцией. Последний радиообмен между «Востоками» был коротким:

— Валера, счастливого приземления. Я пошла...

— Валя, всего хорошего, счастливой посадки.

«Восток-5» слушался безукоризненно. За стеклами иллюминатора было видно, как светится воздух плотных слоев атмосферы, рассекаемый телом корабля. Как спускаться? На Земле сказали перед полетом: «Сделаешь так, как найдешь нужным. Хочешь — приземляйся в кабине. Хочешь — катапультируйся, приземляйся отдельно от корабля...» Последние секунды на размышление: спускаться в кабине или отдельно?

— Как дела у «Чайки»? Как ее самочувствие? — спросил Валерий.

— Отличное, отличное. Она уже на Земле. Самочувствие прекрасное.

Автоматика работала на спуск. Тормозной двигатель плавно гасил скорость.

«Привет вам, бесчисленные звездные миры! Не прощайте, а до свидания. Мы еще вернемся к вам, мы еще встретимся. Обязательно встретимся. Ждите нас, звезды!»

Об этом думал Валерий, когда его корабль покидал космос.

Земля встречала. Люди слышали гул, похожий на далекие раскаты грома. Он казался странным, этот звук, когда небо совершенно чистое.

Первыми к Валерию подбежали два пастуха. Они принялись помогать ему снимать скафандр. Потом подъехал мотоциклист, скрипнул тормозами грузовик, и из кузова высыпали на землю школьники ближайшего села вместе со своими учителями. Со всех сторон — руки, цветы. А люди все подъезжали и подъезжали.

Валерий принимал рукопожатия, отвечал на многочисленные вопросы, вдыхал полной грудью приятный аромат степи, и серая полынь казалась ему столь сладостно пахучей, что он нагнулся и осторожно, словно садовник-цветовод, сорвал небольшой пучок травы.

Люди смотрели на него, улыбаясь. Вот он, Космонавт-пять. Приземлился! Жив, здоров! И корабль рядом. Валерий взял оттуда документы, записи, подтверждающие безграничное могущество советского человека... Потом снова вернулся к встречающим, отвинтил крышку фляжки, побывавшей с ним в космосе, и просто предложил:

— Не хотите ли космической водички?

Снова город на берегу Волги. Два самолета приземлились на аэродроме. Море людей и море цветов окружило серебристые машины. Валерий и Валя докладывают:

— Товарищ председатель Государственной комиссии, рады доложить вам: задание выполнено.

И снова объятия. Объятия с председателем Государственной комиссии, с Главным конструктором, со своими «звездными братьями». Валерий и Андриян молча держат друг друга за плечи, смотрят друг другу в глаза, потом припадают друг к другу.

Валерий отыскал глазами Валю. Они снова вместе — «Ястреб» и «Чайка». Глаза их искрятся, светятся счастьем. Они уже разговаривали по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым, их ждут в Москве.

— Как у тебя дела? Устала? — спросил Валерий.

— Немножко, — смеется Валя. — А настроение бодрое.

Им есть чему радоваться, есть чем гордиться. Совместный полет космического корабля-спутника «Восток-6», пилотируемого первой в мире женщиной-космонавтом гражданкой СССР Терешковой Валентиной Владимировной, и космического корабля-спутника «Восток-5», пилотируемого космонавтом гражданином СССР Быковским Валерием Федоровичем, успешно завершены. Их подвиг не имеет равных. На приборах космических кораблей небывалые цифры: более 81 витка, свыше 119 часов в космосе — таков итог полета «Востока-5»; более 48 витков, 71 час полета — итог «Востока-6». Советская девушка побила все национальные рекорды американцев.

На берегу Волги космонавты чувствовали себя как дома. Здесь все было так же, как и после полета Юрия и Германа, Андрияна и Павла: сначала разбор полета с членами Государственной комиссии, потом Валерий и Валя попали в руки врачей — врачам надо знать, как перенес человек влияние космоса. А после обеда — встреча с журналистами.

Вопросы. Ответы. Стрекот кинокамер. Вспышки фотоламп. Дружеский, непринужденный разговор. Что оказалось самым трудным в полете? Как невесомость? Сколько раз каждый из вас

брался за ручное управление? Брали ли в полет какие-нибудь сувениры?

У Валерия их было одиннадцать. Одиннадцать комсомольских значков с изображением Ленина.

— Я решил так, — говорит он журналистам, — передам значки в ЦК ВЛКСМ товарищу Павлову, пусть их вручат самым лучшим комсомольцам. Одиннадцатый значок был у меня на рубашке. Этот значок я буду беречь для сына. Вырастет, вступит в комсомол — вручу.

И снова родная Москва. Самолет, эскортируемый истребителями, садится на Внуковском аэродроме. Рапорт Никите Сергеевичу Хрущеву. Митинг на Красной площади. На трибуне Мавзолея рядом с Первым секретарем ЦК КПСС стояли правофланговые космонавтики, герои, коммунисты. Сегодня их уже шестеро: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский и Валентина Терешкова. И снова рукоплескал мир, рукоплескал стране и строю, взрастившему людей, для которых невозможное не существует.

На Красной площади и прилегающих к ней улицах бурлил людской океан. Трудящиеся столицы и ее гости пришли отдать тепло своих сердец, свою любовь, свою радость тем, кто стоял на трибунах Мавзолея. Тысячи голосов, сливаясь в один, провозглашают: «Слава родной партии! Слава народу! Ура!»

После триумфальной встречи новых героев космоса, после грандиозного митинга на Красной площади распахнулись двери Кремлевского дворца. Сюда пришли космонавты, ученые, конструкторы, инженеры, техники, рабочие — все те, кто обеспечил осуществление многодневного совместного полета космических кораблей «Восток-5» и «Восток-6».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев оглашает Указы о присвоении звания Героя Советского Союза Валерию Федоровичу Быковскому и Валентине Владимировне Терешковой и о присвоении им звания «Летчик-космонавт СССР». Он вручает «Ястребу» и «Чайке» ордена Ленина, медали «Золотая Звезда» и нагрудные знаки.

Герои космоса...

«Это наши дети, дети советского народа, — сказал Н. С. Хрущев, — замечательные представители его молодого поколения».

**Под редакцией генерал-лейтенанта авиации
Н. П. КАМАНИНА**

